

ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ДОМОРОЩЕННЫЕ ДЖИХАДИСТЫ ЕВРОПЫ

Начиная с 2019 года в Европе нагнетается страх перед джихадистами, которые уже вернулись или возвращаются в Старый Свет после разгрома ИГИЛ и других террористических организаций в Ираке и Сирии. Проблем здесь, действительно, немало. Но жизнь показывает, что ещё больших проблем следует ожидать от европейских джихадистов, которые никуда не выезжали, не собирались выезжать, но которые нацелены на джихадистский терроризм у себя дома – в самой Европе.

Полиция и службы безопасности европейских государств это прекрасно понимают и направляют усилия на выявление подпольных ячеек джихадистских террористов. Например, 22 марта 2019 года в ходе полицейских операций в Германии были задержаны 11 человек в возрасте от 20 до 42 лет, относящихся к салафитам. Они установили контакты с торговцами оружием, арендовали большой автомобиль и организовали сбор средств на подготовку теракта. По данным следствия, у подозреваемых было изъято 20 тысяч евро наличными, несколько ножей, наркотики, большое количество документации и электронных носителей информации.

Европейские уголовники на пути к джихадизму

Институт политики ЕС по программе GLOBSEC (Глобальная безопасность) провёл исследование “Кто такие европейские джихадисты?”

Полученные результаты подтверждают гипотезу, утверждающую, что значительное число джихадистов перед тем, как включиться в террористические организации и сети, имели за плечами либо преступную деятельность, либо участие в политическом насилии. Примерно 1/3 джихадистов ранее привлекались к уголовной ответственности за совершение преступлений либо имели суровые административные наказания за участие в демонстрациях и политических событиях, связанных с насильственными действиями.

Самая высокая доля преступников среди джихадистов во Франции – более 50%, затем идёт Великобритания – 32%, Италия – 7,4% и Испания – 6,4%.

В среднем на каждого джихадиста-преступника в Европе приходится 2,07 преступления. Тщательное изучение характера этого движения позволило прийти к выводу, что с джихадистским террором в Европе связана, прежде всего, мелкая уличная, низкоуровневая преступность, и лишь во вторую очередь – серьёзная организованная. При этом 33% преступлений было совершено джихадистами, осуществлявшими кражи, кражи со взломом, хранение

наркотиков или торговли ими, мошенничества и т. п. В то же время 67% преступлений, совершённых джихадистами, относится к категории тяжёлых, осуждённых в составе уличных преступных групп. Таким образом, статистический анализ показывает, что всё более укрепляющаяся связь криминал—террор идёт, прежде всего, по линии интеграции терроризма с низкоуровневой, уличной и традиционной преступностью, не затрагивая в основном связи с высокотехнологичной преступностью и серьёзными ОПГ, за исключением преступности, связанной с незаконными миграционными потоками.

Примерно 4 из 5 джихадистов имели за плечами криминальные или административные нарушения, а также прямые связи с преступным европейским подпольем до тех пор, пока не были арестованы за терроризм или не погибли в ходе террористических актов.

Первостепенное значение имеет вывод о прямой связи джихадизма с нахождением преступников в местах тюремного заключения. Согласно данным, 70% джихадистов, имевших за плечами криминальную карьеру, провели два и более года в тюрьме. Важность данного вывода состоит в следующем: **в отдельных странах тюрьмы выполняют роль рассадника преступности и способствуют налаживанию тесных контактов между уголовными преступниками, джихадистами и другими политическими террористами.**

В отличие от Соединённых Штатов, в государствах ЕС подавляющая часть джихадистов отбывает сроки в тюрьмах общего режима, где основной состав – уголовники. Поскольку джихадисты выделяются на тюремном фоне не только доминированием, не только наличием устойчивых связей за стенами тюрьмы, не только получают лучшие и большие передачи, чем обычные уголовники, они, как многие испуганно верующие люди, отличаются особой стойкостью и независимостью. Соответственно такие люди привлекают обычных преступников, прежде всего из числа молодёжи, которая тянется к ним и становится на путь джихадизма.

Средний тюремный срок, исключая четыре случая, когда осуждённые получили пожизненные сроки, для джихадистов составляет в среднем 8 лет 7 мес. При этом, лица, осуждённые непосредственно за участие в террористической организации, в среднем получили 9 лет и 6 мес.; осуждённые за подготовку к нападению – в среднем 8 лет и 9 мес., за членство в террористической организации – 7 лет и 4 мес., получившие срок за содействие и поддержку терроризма – 6 лет и 4 мес., и, наконец, за попытку присоединиться к террористической организации за рубежом – в среднем 4 года.

Количественный анализ данных по арестованным террористам позволяет прийти к следующим выводам. Из общего числа арестованных террористов примерно треть оказалась в заключении по причинам принадлежности к террористическим организациям. 14% были арестованы и получили уголовное или административное наказание за пропаганду терроризма в сети. 12% получили сроки заключения за участие в террористических актах и атаках. Ещё 11% были распознаны как боевики террористических организаций, участвовавшие в боевых действиях на Среднем Востоке.

Если в 2012–2014 годах террористическое подполье концентрировалось в крупных джихадистских группировках, сформированных обычно вокруг мечетей, что особенно характерно для Франции, Германии и Бельгии, то в настоящее время ситуация изменилась. В результате эффективных действий разведывательных агентств и полицейских органов, а также развития международного сотрудничества по борьбе с джихадизмом террористы стали рассредоточиваться. **По состоянию на 2018 год наиболее типичными являются квазисети джихадистов, состоящие из небольших оперативно-боевых групп – от 4 до 10 человек в каждой.** Эти группы действуют в значительной степени независимо друг от друга и опираются не на общие материально-техническую и финансовую структуры террористической организации, а на собственные материально-технические, военные и кадровые ресурсы на той территории, где функционирует террористическая группа.

Возраст и пол европейского джихадизма

Средний возраст арестованных джихадистов – 30,3 года. Это не подтверждает высказанную ранее несколькими исследовательскими центрами во Франции и Германии гипотезу, что европейские джихадисты – это по преимуществу

молодёжь в возрасте до 28 лет и даже подростки. В целом, 43% попавших в поле зрения правоохранительных органов джихадистов родились в 80-е годы и 27% – в 90-е годы. В то же время ещё 20% родились до 1980 года. Иными словами, значительная часть активной террористической среды в Европе состоит из лиц среднего возраста. Что же касается подростков и молодёжи, то, как правило, они являются основными посетителями сайтов, ведущих пропаганду онлайн джихада. Их можно отнести к особой категории сочувствующих и готовых при наличии соответствующих организационных и материальных условий вступить на путь джихада.

Молодёжь, сочувствующая джихадизму, – это, прежде всего, обитатели зон временного содержания легальных и нелегальных мигрантов, а также жители мусульманских анклавов немецких, бельгийских, французских и других городов. Средний возраст сочувствующих джихадизму колеблется от 18 до 21 года.

Согласно данным Европола, джихадистский терроризм в государствах ЕС – это, как и следовало ожидать, явление преимущественно мужское. Тем не менее, женщины, активно участвующие в джихадистских группировках, составляют в государствах ЕС значительные 13% от общей численности. При этом средний возраст мужчин европейских джихадистов составляет 29,9 года, женщин – 32,8 года.

Образовательный уровень и профили занятости европейских джихадистов

Почти 40% джихадистов были безработными. Только 28% были трудоустроены. Из них подавляющее большинство было занято физическим трудом в строительстве, на транспорте и в городском хозяйстве.

Пока не удалось получить достоверных фактических сведений о том, что в число активных действующих джихадистов входят в государствах ЕС люди с высшим образованием или занятые в высокотехнологичных отраслях экономики. Ни одного подобного случая ни правоохранительными органами государств ЕС, ни Европолем установлено не было. Возможно, некоторые из них являются сочувствующими или выполняли когда-либо для террористов работу по бизнес-модели “преступление как услуга”, но ни одного документально установленного случая такого рода по состоянию на 2018 год, когда опубликованы доклады, установлено не было.

Европейский джихадизм по-прежнему остаётся уделом преимущественно безработных и лиц, занятых физическим трудом или мало престижными работами.

Данные Европола говорят о том, что в составе нелегальных мигрантов, хотя и невелика, но имеется – не более 10% – доля лиц с высшим образованием или занятых в технологических и высокотехнологических секторах экономики. Однако учитывая, что общая численность нелегальных мигрантов в государствах ЕС в 2017 году составляла более 1 млн человек, угроза прихода в джихадизм людей, обладающих профессиональными знаниями и навыками в сфере высоких технологий, потенциально является опасной. При этом пока достоверных подтверждений этого процесса нет.

Что касается джихадистов, которые имели за плечами тюремные сроки, не связанные с террористической деятельностью, то доля безработных среди них ещё выше, а именно 52%.

В противовес многим научным и медийным публикациям, европейские джихадисты и террористы плохо образованы. Менее 10% имеют среднее образование. Только 2%, по которым существуют данные, закончили бакалавриаты европейских учебных заведений. Что же касается террористов с криминальным прошлым, то высшего образования не имел ни один из них, а среднее в полном объёме получили только 5%.

Эти данные существенно расходятся с выводами большинства докладов, в которых на первый план выдвигалась идейная основа терроризма, побуждающего граждан государств ЕС с нормальным среднеевропейским уровнем образования идти в террористы. **Европейские джихадисты – это относительно молодые, но не юные граждане, многие из которых имеют криминальный опыт и лишь единицы получили среднее образование.**

Как финансируется европейский джихадизм?

Казалось бы, низкий образовательный уровень и отсутствие серьёзных профессиональных навыков предполагают, что европейские джихадисты склонны финансировать свою террористическую активность за счёт нелегальных и преступных источников. В академических исследованиях неоднократно высказывались предположения о всё большем слиянии традиционной преступности с джихадизмом в части финансирования терроризма.

Однако, похоже, в реальности дела обстоят иначе. Европейский джихад финансируется из различных, но, по большому счёту, легальных источников. Более того, выяснилось, что преступники-джихадисты, т. е. джихадисты, имевшие за плечами судебные сроки, связанные с традиционной преступностью, становясь джихадистами, стараются финансировать свою деятельность за счёт легальных средств. Наибольшую группу составляют джихадисты, которые обеспечили своё существование и соответственно террористическую деятельность либо за счёт зарплаты, либо пособием по безработице (16%). Другая группа (примерно 10%) старались поддерживать свою жизнедеятельность и террористическую активность за счёт комбинации пособий по безработице и поступлений от различных благотворительных организаций, в том числе исламской направленности. Не более 1/5 джихадистов жили и осуществляли деятельность полностью или частично за счёт преступных доходов. И только ничтожно малое число джихадистов жили и вели свою противозаконную деятельность исключительно за счёт преступных источников. Они включают в себя торговлю людьми, наркотиками и контрабанду сигарет.

В целом можно говорить о том, что большая часть европейских джихадистов отторгается традиционной организованной преступностью. Происходит это не по каким-то идейным соображениям, а по голому расчёту. По оценке организованной преступности, сочувствующие джихадистам, а тем более сами джихадисты – боевики – входят в группы с неприемлемо высоким уровнем риска разоблачения со стороны полиции и потому являются токсичными для европейских ОПГ.

Случаются, правда, исключения. В 2017 году была распознана, а затем арестована группа из 10 человек, которая использовала смесь легальных и незаконно полученных средств для финансирования террористической деятельности. Парадоксальным образом все 10 человек участвовали, с одной стороны, в насильственных грабежах, а с другой – получали пособия от германского государства по линии социального обеспечения и дополнительные средства на профессиональную переподготовку.

В 2013–2015 годах ни один гражданин государств ЕС, арестованный по джихадистским статьям, не входил в состав известных в соответствующих странах организованных преступных группировок. Если джихадисты использовали незаконные средства, то добывались они в рамках низкоуровневой уличной преступности. **Более того, можно сделать вывод: чем крупнее и диверсифицированнее бизнес ОПГ, чем более продвинуты технические средства он использует, тем больше он чурается даже кратковременных контактов с джихадистами.** Даже во время миграционного европейского кризиса 2015–2016 годов ОПГ, особенно в исторических государствах ЕС – Австрии, Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Испании, – преступники, занимаясь нелегальным транзитом беженцев, стремились избегать связей с джихадистами. Европейские ОПГ для обеспечения транзита взаимодействовали с оборотнями из турецких, сирийских и иных разведывательных и дипломатических органов, но не с джихадистами. **Слишком часто джихадисты в Европе проваливаются, а это смертельно опасно для преступного бизнеса с его огромными оборотами.**

Как европейский джихад обращается к радикальной идеологии

Впервые тема мотивации терроризма была поставлена в центр обсуждения работников правоохранительных органов и исследователей после взрывов в Мадриде в 2004 году, совершённых ячейкой Аль-Каиды. Особенно эта тема обострилась после известных террористических актов в Бельгии и во Франции. Господствующей точкой зрения является, что главным в мотивации для вступления в террористическую группу и осуществления террористических

актов является идеология, а в случае джихадизма – воинственный радикальный ислам. **По мнению большинства наиболее известных и авторитетных мусульманских богословов, джихадизм сам по себе базируется не на исламском вероучении, а на версии исламизма, специально приспособленной для целей политического насилия и психологической манипуляции, предполагающей фанатичное принятие идеологии.**

Имеющиеся в докладах статистические данные, при всей недостаточности выборки, свидетельствуют о том, что идеологическое обоснование джихадизма является далеко не единственным, а возможно, даже не главным. **Факторы, подпитывающие или провоцирующие радикализацию в форме джихадизма, могут быть вызваны и вызываются не только идеологическими, но и личными проблемами, а также социально-адаптационными факторами.**

Определённую роль в радикализации сторонников ИГИЛ и других террористических организаций играют родственные связи. Полученные результаты совпадают с данными исследователей из Канады и Германии. Более чем в 1/4 случаев радикализация была спровоцирована либо семьёй, либо ближайшими друзьями. Более чем в половине случаев друзья джихадистов были либо причастны, либо хорошо знали об их террористической деятельности: хотя бы один член семьи террориста либо участвовал в террористической организации, либо содействовали террористу в его деятельности, не выходя на других членов организации. Соответственно это означает, что, **как минимум, в половине случаев джихадизма терроризм оказывается семейным занятием.**

Фактически это означает, что подавляющая часть джихадистов была инфицирована радикальной версией ислама именно в родственно-семейной среде. По сути, их обращение произошло внутри диаспоры. В большинстве европейских стран в последние 20 лет наблюдается стремительный процесс самозамыкания этноконфессиональных групп в самодостаточные диаспоры, стремящиеся полностью сохранить свою культурную идентичность и существовать как фрагменты привычного мира в чуждой европейской реальности.

В противовес бытующему мнению об эффективности рекрутерской работы для вовлечения в джихад, данные исследования показывают иную картину. Лишь 8% террористов-джихадистов стали таковыми в результате усилий активных рекрутеров, в том числе чуть более 5% – в результате работы в мусульманских диаспорах в государствах ЕС, и всего менее 3% по итогам интернет-рекрутинга. Роль наставников, якобы оказывающих огромное влияние на радикализацию будущих джихадистов, подробно и детально была расписана в большом числе публикаций. Однако фактически это не так. Анализ показывает, что только каждый десятый европейский джихадист – это новообращённый в радикальный ислам, который стал таковым в результате разрыва своих прежних социальных связей и перехода в новое культурное поле. Каждый десятый – это на удивление малая доля. Радикальный ислам в государствах ЕС – это по-прежнему в подавляющей части не результат обращения в радикальную идеологию граждан ЕС, а следствие существования замкнутых на себя радикально-исламистских общин, появившихся в Европе только в XXI веке в результате политики мультикультурализма. В этих общинах молодым людям практически невозможно отделить друг от друга друзей, родственников и старейшин. Диаспора, организованная вокруг мечетей, – это полностью замкнутый мир, который скорее представляется родосемейной структурой, нежели типичным европейским меньшинством.

В 45% радикализация была спровоцирована жизнью в территориально локализованной общине, а не онлайн-рекрутингом, который играл вспомогательную роль.

Наряду с соседской общиной, как уже отмечалось, второй точкой сбора и местом интоксикации стала тюрьма. Более 46% лиц, которые находились в тюрьме, где установили контакты с радикальными экстремистами, поддерживали этот контакт и после выхода из тюрьмы. 54% впервые познакомились с радикальной идеологией и заинтересовались ею именно в местах отбывания наказания. Не менее 30% отметили, что стали разделять радикальную идеологию не по идейным, а по вполне материальным причинам. Исламисты в тюрьмах имели гораздо лучшую, чем другие заключённые, систему поддержки с воли, включая помощь родственникам попавших в заключение людей,

и адвокатскую поддержку заключённых. **При том, что ОПГ по возможности минимизирует любые контакты с джихадистами, именно тюрьмы по-прежнему продолжают играть заметную роль в качестве места, где преступники принимают для себя решение перейти к политическому насилию и присоединиться к джихадизму.**

По крайней мере, с 2004 года, то есть после мадридских взрывов, в Европе ведутся острые дебаты о происхождении джихадистского терроризма. В настоящее время общепринятым стало мнение, что **подавляющее большинство европейских террористов являются доморощенными, то есть гражданами той страны, где они совершают джихад, либо же являются гражданами ЕС.**

Европейский кризис мигрантов 2014–2016 годов, а также сведения Европола о том, что ИГИЛ в рамках нелегального антропохода удалось контрабандой вернуть в Европу значительную часть европейских джихадистов, способствовали возобновлению острых дебатов о происхождении европейского джихада.

Выходя за рамки упрощённого, ошибочного и расистского заявления “все беженцы являются террористами”, некоторые авторитетные исследователи и практики, а также офицеры правоохранительных органов различных стран сделали вывод, что **происходит замещение доморощенных джихадистов радикальными исламистами с Ближнего и Среднего Востока.** Более того, стала высказываться точка зрения, что процесс замещения доморощенных террористов импортными является не только европейской и, более того, не только западной чертой, а характерен для терроризма в целом, включая евразийское измерение.

Беспрецедентный рост глобальной транспортной доступности, превращение планеты в единую телекоммуникационную сеть, а также скачкообразный рост легальных и нелегальных антропоходов привёл ряд исследователей и даже представителей официальных органов к позиции, согласно которой **разделение терроризма на доморощенный и транснациональный больше невозможно.** Согласно этой точки зрения, **весь современный терроризм в форме экстремистского ислама или джихадизма носит трансграничный характер.**

Действительно, следы такой трансконтинентальной взаимосвязи несложно найти при анализе современных сетей джихадизма. В них как важный элемент присутствуют люди, мотивированные на нанесение удара по Европе или США как ответ на спровоцированный, по их мнению, извне конфликт на Ближнем Востоке.

Тем не менее, авторы докладов, принимая во внимание транснациональный и трансконтинентальный аспекты европейского джихада и признавая необходимость глобального видения, решили более тщательно изучить страны происхождения террористов в рамках того набора данных, который является на сегодняшний день единственной достоверно подтверждённой базой данных по европейскому джихаду.

Имеющиеся данные показывают, что 73% террористов провели большую часть жизни в рамках ЕС. Это позволяет сделать вывод, что терроризм в Европе не является побочным продуктом миграционного кризиса. **Европейский джихадизм по-прежнему остаётся доморощенным явлением, так как террористы, арестованные, убитые или высланные из ЕС, жили в государствах Евросоюза задолго до того, как примкнули к террористическому подполью и начали экстремистскую карьеру.**

Доля тех, кто провёл большую часть жизни в ЕС, ещё выше среди преступников, ставших террористами. Таковых 86%. В общем и целом, 51% джихадистов родились и всю жизнь прожили в странах ЕС. Ещё больше – 72% – являются гражданами ЕС и прожили в государствах ЕС не менее 10 лет. В эту группу входит подгруппа, составляющая 9% лиц с двойным гражданством. Все они приходятся на французских алжирцев и марокканских испанцев. Данные также показывают, что 11% джихадистов составляют натурализованные мигранты в первом поколении. Последняя большая категория – это граждане государств, не входящих в ЕС, не рождённых в ЕС, не получавших гражданства ЕС и не живших более 3 месяцев в ЕС. Эта группа включает всего 17%.

Опираясь на эти данные, авторы докладов приходят к выводу, что **европейский джихад по своей природе является доморощенным, базирующимся на европейских маргиналах, людях с деструктивными наклонностями или**

биографией, а также проблемами в личной и профессиональной судьбе. При этом авторы докладов не отрицают вклада в джихад лиц, которые лишь недавно натурализовались в ЕС, а также иностранцев, прибывающих в ЕС исключительно для совершения терактов.

Джихадизм за рубежом

С 2015 году, когда началась гражданская война в Сирии, проблема иностранных боевиков или отдельных лиц, отправляющихся на ближневосточный театр боевых действий, стала одним из важнейших факторов, обуславливающих интенсивность этой гражданской войны. Практически все отправившиеся из государств ЕС на Ближний Восток джихадисты или сочувствующие радикальному исламу оказались, в конечном счёте, либо в рядах ИГИЛ, либо Аль-Нусры – сирийского филиала Аль-Каиды.

Европейские исследователи и СМИ логично предположили, что рано или поздно **значительная часть джихадистов, получивших боевое крещение в Сирии и Ираке, вернутся в ЕС и радикализируют джихадистское подполье и европейскую сеть сторонников радикального ислама.** Эта сеть отличается от джихадистского подполья, легально существуя в государствах ЕС. Это существование обусловлено тем, что опорными точками сети являются мечети (хотя далеко не все), расположенные в государствах ЕС, и проповедующие там радикальные версии ислама муллы и шейхи.

Из общего числа изученных джихадистов 26% до ареста, смерти в результате террористической атаки или высылки за пределы ЕС имели опыт участия в боевых действиях на Ближнем Востоке, прежде всего, в Сирии и в меньшей степени – в Ираке. В основном это были мужчины. Их средний возраст составлял 26,4 года, что примерно на 4 года меньше, чем средний показатель по всем джихадистам. Самая большая когорта участников боевых действий в Сирии была из Франции.

Из числа бойцов 36% имели криминальную историю до ареста. Большинство из этих бойцов начинали как мелкие преступники, занимаясь в основном кражами. Лишь 5% бойцов до участия в боевых действиях совершили тяжкие преступления, включая вооружённые грабежи, незаконную торговлю оружием и наркотиками, но опять же в основном в составе небольших банд, а не мощных ОПГ.

С одной стороны, европейский джихад, несмотря на все обстоятельства, остаётся по критерию происхождения преимущественно доморощенным феноменом. С другой стороны, джихадизм, несомненно, носит глобальный трансграничный характер. Это выражается в значительном числе граждан государств ЕС, принявших участие в боевых действиях на Ближнем Востоке на стороне террористов.

Фактически можно говорить о том, что не ближневосточные сети являются донорами европейского джихада, а, напротив, европейское радикальное подполье является источником пополнения бойцов для джихадистских военных и регулярных подразделений на Ближнем и Среднем Востоке.

Является ли европейский джихадист одиночкой?

Тем не менее, учитывая переход ИГИЛ к бесструктурному управлению, когда центр не организует ячейки джихадистов, а призывает всех и каждого сочувствующего внести свой посильный вклад в осуществление террористических акций, авторы докладов считали необходимым установить, действительно ли европейский джихадизм меняет лицо, либо по-прежнему он остаётся уделом “одиноких волков”. В этих целях авторы особо тщательно проанализировали данные по террористам, которые были арестованы в ходе конкретных дел, а не в процессе масштабных контртеррористических акций. Следует отметить, что **среди террористов, совершивших реальные масштабные террористические акции, не было ни одного одиночки. Все подобные акции совершались сплочёнными группами в составе 7 и более человек.**

В то же время, согласно данным выборки, 29% террористов были арестованы исключительно за одиночные действия. Это может свидетельствовать

о двух противоположных обстоятельствах. Либо они действительно осуществляли противозаконные действия в одиночку, либо, несмотря на все усилия правоохранительных органов, так и не сдали никого из своих поделщиков.

Основываясь на данных обстоятельствах, авторы докладов полагают, что **европейский джихад более не является исключительно сферой действия “одиноких волков”**. В то же время факты говорят о следующем. Если раньше Аль-Каида и на первом этапе ИГИЛ старались самостоятельно разворачивать инфраструктуру материально-технического снабжения терроризма в том или ином регионе, а конкретно – в Европе, то сегодня политика изменилась. По крайней мере, ИГИЛ перешло к **бесструктурному управлению**. Это означает, что террористы и им сочувствующие должны вести свою деятельность на основе самофинансирования, не только изыскивая ресурсы, но и обеспечивая сами себя инструментами для проведения террористических актов. Эти акции, по мнению ИГИЛ, должны осуществляться не в результате сложных многофункциональных операций специально подготовленных групп, а в результате инициативы небольших команд – от 3–5 до максимум 10 человек. Есть основания полагать, что в ближайшие годы вместо сложных в управленческом и логистическом аспектах операций, типа террористических нападений на аэропорты, стадионы, правительственные здания и т. п., носящие по очевидным причинам разовый характер, упор будет делаться на своего рода низкоуровневый доморощенный терроризм. Например, джихадист, работающий водителем-дальнобойщиком, будет использовать свой автомобиль для террористического акта в виде наезда на толпу, а сочувствующий радикальному исламу рабочий станции водоснабжения вполне может отравить не десятки и сотни, а тысячи человек.

Наиболее вероятным в ближайшем будущем исследователи считают терроризм малых групп, когда орудием террора выступает не взрывчатка, пулемёты и ракеты, а вполне повседневные средства повышенной опасности – от автомобиля до дрона, от яда до ножа.